

УДК 821.161.1-3.02(091)

© **Волегов Алексей Владимирович (2021)**, кандидат филологических наук, доцент, отделение славистики Государственного университета Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань), alexeivolegov@mail.ru

О ФЕНОМЕНЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЗЕ Ф. СОЛОГУБА

Аннотация. Рассматривается отражение некоторых аспектов городской культуры в творчестве Ф. Сологуба. Большое внимание уделяется рассмотрению феномена города у модернистов как универсальной, идеалистически осмысленной модели бытия. Поднимается вопрос об образе Города – мифологизированного пространства в творчестве русских символистов. Выполнен также обзор прозаических текстов Ф. Сологуба, чье творчество относится к этому литературному направлению. Представлены результаты анализа произведений писателя, в которых городская тематика является важной составляющей идейно-смыслового содержания. Выделены в творчестве писателя не только аллюзии древнегреческого и гностического мифов, но и переосмысленные факты авторской биографии и общественной жизни России. Затронуты вопросы рецепции этого дискурса в мире китайской культуры.

Ключевые слова: городская культура, античный греческий миф, гностический миф, русская литература, проза, символизм.

© **Volegov Alexey V. (2021)**, candidate of sciences (Philology) associate professor, Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University (Taipei, Taiwan), alexeivolegov@mail.ru

ON THE PHENOMENON OF URBAN CULTURE IN F. SOLOGUB'S PROSE

Abstract. The article examines the reflection of some aspects of urban culture in the work of Fyodor Sologub. Much attention is paid to the fact that the modernists considered the phenomenon of the city as a universal, idealistically meaningful model of life. The question about the image of the City, the mythologized space in the work of Russian Symbolists, is raised. A review of prose texts by F. Sologub, whose work belongs to this literary direction, has also been carried out. The article presents the results of the analysis of the writer's works, in which urban themes are an important component of the ideological and semantic content. The presented author's concept makes it possible to trace in the writer's work not only the allusions of the ancient Greek and

Gnostic myths but also the reconsidered facts of the author's biography and social life of Russia. The issues of the reception of this discourse in the world of Chinese culture are considered.

Keywords: urban culture, Ancient Greek Myth, Gnostic Myth, Russian Literature, Prose, Symbolism.

Русскую литературу, пожалуй, можно назвать самым глубоким отражением особенностей национальной культуры. Поэтому она является и одним из важнейших источников учебного материала в русистике. «Включение иностранцев в систему социально-психологических отношений нашего общества облегчает их адаптацию в новой среде, предотвращая возникновение ошибок социокультурного характера, способствует соблюдению правил социального поведения, “культурного взаимоприятия”» [3, с. 90].

Следует при этом отметить, что сложные социокультурные практики как система формировались в разные эпохи. И русская литература отразила это в полной мере. Поэтому представление разных эпох в учебном материале очень ценно для полного и всестороннего отражения современных представлений о русской культуре. Это особенно важно для программ филологических специальностей.

Последние десятилетия XIX и начало XX вв. – особый период художественной жизни в Европе, России и Америке как едином культурном пространстве.

Для художественного мышления «нового искусства» было характерно особое понимание человека как сложной, противоречивой, при этом самодостаточной и самоценной личности. Такое художественное понимание человека выходило за рамки анализа социальных связей, интерес к которым определял искусство предыдущей эпохи. От идей социальной и физиологической детерминированности личности художественное осмысление шло не только к экзистенциальному кругу идей (поскольку и в их основе лежат трагизм непонимания и нарушенные связи с членами социума), но и к бытийному (сомнения в гармонии самого мироздания). В связи с этим в искусстве возник и некоторое время существовал новый, более высокий уровень откровенности в изображении внутреннего мира героя. Такая точка зрения на личность, во многом провокационная, оставила след и, не-

сомненно, представляет ценность как основа современной системы социокультурных практик. Она явилась не только эстетическим открытием, но и общественным достижением. В литературе отразились демократизация общества и освобождение от многих табу и стереотипов предыдущих эпох.

Вместе с тем следует отметить тенденции демократизации культуры в очень разных аспектах. Это проявлялось даже в бытовой культуре, основанной на понимании самодостаточности и самооценности каждой личности.

Люди, как никогда ранее, ощутили быстротечность жизни и силу прогресса, надвигающейся индустриализации. При этом еще живы были воспоминания о тонкости и изяществе эклектичного стиля дворянских усадеб. Но он казался уже слишком старомодным. Обострившийся вкус к жизни, осознание бренности бытия и жажда «красоты против машин» породили ар-нуво – стиль, который стал воплощением утонченности застывшего комфорта отдыха, но не роскоши и блеска.

Изображение и осмысление сложной, противоречивой личности героя-представителя эпохи дает новую перспективу видения. И поэтому такой взгляд на человека связан еще с одним явлением. Это Город (понимаемый как некая универсальная модель трагически противоречивого *бытия*). «Новый» герой формирующейся модернистской литературы изображен на фоне именно городской жизни.

И это характерно для мирового модернизма. Ф. Кафка, Д. Джойс, Ж. К. Гюисманс («*À rebours*»), – это тоже, в первую очередь, Мир Города.

Город как историко-культурный феномен – средоточие творческих возможностей и разрушительных соблазнов, кластеров индивидуальностей. Но для модернистов, в частности, для русских символистов он представляет собой еще и мифологизированное пространство, поле битвы извечных сил, что отражается и в событиях жизни, и во внутреннем мире одинокого героя. Человек эпохи модерна видит, что стремление к лидерству, достижение успеха, «мудрость» самосохранения – сомнительные ценности, это господство навязанных стандартов.

Все вышеперечисленное в полной мере относится и к прозе Ф. Сологуба, рецепция которой была очень важной в мире китайской культуры со времени сборника братьев Чжоу (изд. 1909, 1921) [11, 12].

Поэтому обращение к текстам городской тематики в процессе преподавания в синоязычной аудитории (КНР, Тайвань) имеет своеобразный контекст. Именно тематика, связанная с образом Города, имела особое значение в процессе рецепции «западной литературы» в мире китайской культуры в первые десятилетия прошлого века, и такое осмысление характерно и для сегодняшнего восприятия уже в историческом плане [10].

Основное действие рассказов Ф. Сологуба очень часто происходит в стенах городской квартиры (реже – на улице) («Свет и тени», «Красота», «Белая мама», «Прятки», «Красногубая гостья») и на даче («К звездам», «Жало смерти», «В плену», «Два Готика», «Отрава», «Сочтенные дни»).

В этом замкнутом пространстве человек остается наедине с самим собой, и предметом его размышления становятся не столько конкретные факты быта, сколько жизнь «людского муравейника» как части мироздания. Ему важен не социальный аспект, а всемирный. Так, это можно проследить в его рассказе «Красота».

«Елена снова подошла к окну. Густая темнота окутывала улицу... Против окна, у которого стояла Елена, слабо виднелся на другой стороне улицы, при свете редких фонарей, маленький кирпично-красный дом кузнеца. Фонари стояли далеко от него, – он казался черным.

Вдруг из раскрытой кузницы к воротам пронеслась медленно громадная красная искра, и мрак вокруг нее словно сгустился, – это кузнец пронес по улице кусок раскаленного железа. Внезапная зажглась радость в Елениной душе и заставила Елену тихо засмеяться, – в просторе безмолвного покоя пронесся звонкий и радостный смех.

И когда прошел кузнец и скрылась красная в черном мраке искра, Елена удивилась своей внезапной радости, и удивилась тому, что она все еще, нежно и трепетно, играет в ее душе. Почему возникает, откуда приходит эта радость, исторгающая из груди смех и зажигающая огни в глазах, которые только что плакали? Не красота ли радует и волнует? И не всякое ли явление красоты радостно?

Мгновенная, пронеслась она во мраке, рожденная от грубого вещества, и погасла, как и надлежит являться и проходить красоте, радуя и не насыщая взоров своим ярким и преходящим блеском...» [7, с. 500].

Происходит вечное повторение одного и того же противостояния, ежедневная борьба героев, чувствующих за собой право следовать неясным, но интуитивно ощущаемым ценностям «иноного мира»: бескорыстия, добра, любви вопреки «звериному быту».

Стоит остановиться более подробно на этой формулировке, многократно встречающейся в прозе Ф. Сологуба. Это ключевой образ авторской мифопоэтики, принципы которой наиболее детально представлены, пожалуй, в рассказе с тем же заглавием: «Звериный быт». Герою рассказа, Алексею Григорьевичу, вся жизнь видится как пространство, «храмина», во власти четырех извечных начал, которые противостоят друг другу. Лилит – Ева, Зверь – Ребенок. Эти мифологемы восходят к гностическому взгляду на мир [9].

Зверь – символ неблагополучия, торжества агрессивности в Мире, где так часто господствует право сильного. В душе героя зреет бунт против того, что в мире побеждает доминирующее, витальное начало. И Город – место, где законы Зверя проявляются с особой, осознанной беспощадностью: «...в городе наших дней, великолепном Содоме, возрождается древний зверь и хочет властвовать... Лик зверя, угнездившегося в городах, ...все чаще сквозил этот отвратительный лик. В разговорах, в поступках, в намерениях людей все чаще сказывалось его смрадное влияние...

Алексею Григорьевичу казалось, что человека здесь нет, что человеческое сердце здесь умерло и что в оболочке человека диким ревом ревет дикий зверь. Когда Алексей Григорьевич слышал слова “погром, национальная политика, черта оседлости, ставка на сильных”, ему казалось, что он слышит все тот же, в человеческие формы облаченный, нечленораздельный, звериный вопль.

Эти ужасные слова, эти звериные вопли не оставались только звуками, оскверняющими изначально чистый воздух земного бытия. Они носились над русскими просторами, как действительные зовы, и воплощались в деяния, постыднее и ужаснее которых мало знает седая история. Дыханием Зверя была отравлена вся жизнь...

И приспешники Зверя, прикрывшись личинами свободомыслия, правдивости и научного исследования, с великой злобой повторяли его нечестивые слова, проклинали Слово и влекли Его на Голгофу» [6, с. 360–361].

Герои Ф. Сологуба в зависимости от своих личностных качеств либо принимают законы Зверя и сами становятся либо воплощением его (Передонов), либо жертвами, и уже не помышляют вступить в борьбу с ним (Гриша Игумнов, рассказ «Улыбка»), либо пытаются преодолеть окружающий их мрачный быт.

И такой герой, обратившись к опыту своих переживаний, ясно замечает, что наряду с торжествующим законом подчинения и разрушения во всем мироздании появляются новые маленькие, слабые миры. Их разнообразие и богатство создает гармонию. Так, Зверю противостоит Ребенок. «Светел и радостен был четвертый лик, – образ ребенка. В этом образе ребенка была непосредственная радость жизни, неложное оправдание всему, что было, родник великих надежд и неистощенных возможностей. Уберечь бы только его от разевающего пасть Зверя!» [6, с. 361].

Описываемые мифологемы лежат в основе многих замыслов Ф. Сологуба, которые, к сожалению, остались воплощены не до конца. Одним из таких «сверхзамыслов» является история жизни Ребенка, который, сломав себя, превращается в Зверя [4, с. 60].

Борьба со «звериным бытом» очень часто заканчивается трагически (как у Елены в рассказе «Красота» или как у Веры в романе «Заклинательница змей»). Но не случайно это противостояние во многих случаях увенчивается победой, хотя подчас и горькой (Анна («Тяжелые сны»), Людмила («Мелкий бес»), Елисавета («Творимая легенда»), Шаня («Слаще яда»), Надежда Алексеевна («Поцелуй нерожденного»), Машенька («Лоэнгрин»)).

Нам представляется вполне закономерным, что победителями у Ф. Сологуба зачастую становятся женщины. Гностические мифологемы не единственные. В данном случае мы, возможно, имеем дело с античным мифом об Ариадне, к которому писатель обращался еще в раннем своем творчестве: стихотворение «Ариадна» (1883) [2].

Этот миф – мечта о человеке, которому герой может доверить свои мучительные сомнения. А сомнения эти, как мы уже указали, универсального характера, они являются неотъемлемой частью внутреннего мира героя эпохи.

Некоторые мотивы сологубовской прозы включают в себя и иные аллюзии, с которыми связано мифологизированное пространство Города. Исследователи отмечают странные особенности места действия сологубовской прозы. Жанр романа в этом смысле особенно показателен. Во всех романах писателя («Тяжелые сны», «Мелкий бес», «Творимая легенда», «Слаще яда», «Заклинательница змей») действие происходит в небольших уездных городах (единственное исключение – финальные сцены романа «Слаще яда»). Возможно, это связано с тем, что, поскольку роман как жанр в своих основах отражает историю самоопределения личности и борьбу героя за право быть собой, автор невольно связывал сюжет с элементами собственной мифологизированной биографии. Это опыт его детства и молодости, которые случились именно здесь, что отразило трагическую историю самоутверждения личности, историю, этапы которой проходили в разных вариантах городской среды. Путь жизни героя устремляется из городов и городишек в город-мегаполис. Этот мотив прослеживается в романах «Творимая легенда», «Слаще яда», а также в рассказах «Улыбка», «Помнишь, не забудешь», «Дикий бог», «Страна, где воцарился зверь», «Холодный сочельник», «День встреч» и др.

Исследователи уже обращали внимание на довольно устойчивый интерес автора «Творимой легенды» к современным ему артефактам бытовой культуры [1, 5]. В этом плане у Ф. Сологуба стоит отметить деталь, которая имеет страноведческую ценность для современной практической русистики: доступность вещей нового быта даже в маленьком провинциальном дореволюционном городе. Напомним, в «Мелком бесе» герои «выписывали» из Голландии предметы туалета (в частности, маскарадные костюмы и парики), косметику и парфюмерию. В советские времена, за «железным занавесом», подобное было доступно лишь наиболее приближенным к власти. Интересно и то, как герои свободно пользуются подобными «благами»: без особого пиетета. Здесь, кроме того, на наш взгляд, проявляется любопытный сологубовский мотив «антимоды», в том числе, в одежде. Отметим, кстати, что вопреки расхожим стереотипам стиль модерн он не считал близким, не любил, о чем иронично сказано в рассказе «В толпе». Нам представляется, что в этом призыв автора к еще большей креативности.

«Мир новых вещей», достижений технического прогресса, который окружает героя эпохи модерна, – это также очень значимый смысловой пласт сологубовской прозы. Такие вещи становятся предметом особых размышлений героя или рассказчика («Смерть по объявлению», «Красота», «Путь в Дамаск», «Поцелуй нерожденного», «Дед и внук» и др.). Кстати, по ним можно проследить устройство современных писателю электрических звонков, домашних и конторских телефонных аппаратов и кабин, электрическое освещение в домах и общественных местах, устройство ламп накаливания и их мощность, фирмы-производители (например, упоминается существующая и по сей день фирма «Osram»), особенности работы выключателей и т. д. Все это отразило сложное (и, скорее, подозрительное) отношение автора к предметам нового (для того времени) быта и комфорта (особенно к приборам, связанным с возможностями передачи энергии или сигнала) и стало значимым показателем авторского стиля. При этом нам представляется очень важным, что у Ф. Сологуба мир «новых» вещей при внимательном рассмотрении выявляет свой скрытый, мистически-зловещий смысл. Эти вещи дают комфорт и, казалось бы, фантастические возможности, но при этом становятся орудиями подавления, приводят героев к еще большей отверженности и одиночеству. А сегодня мы наблюдаем, что этот аспект изображения городской жизни имел и провидческий смысл; пример тому – современная тотальная дигитализация, превращающая жизнь в «цифровое рабство».

Следует сказать еще об одном «сверхзамысле» Ф. Сологуба, который не был реализован до конца, но прослеживается достаточно ясно – размышления о феномене русского мещанства. Оппозиция «буржуазное» – «мещанское» является огромной темой, связанной и с особенностями исторического развития России, и с особенностями национального характера. Видимо, рассуждая о «зверстве» мира и общества, писатель хотел предложить свое видение героя, который может этому противостоять. Такими героями (помимо, разумеется, Триродова, носителя авторской идейно-художественной программы) представлялись ему «девочки-мещаночки»: Шаня («Слаще яда») и Вера («Заклинательница змей»). Отметим, что замысел этих произведений относится к краткому периоду творческой близости Ф. Сологуба

и А. Блока. Блоковская Фаина («Песня Судьбы») и героиня стихотворения «На железной дороге» также связаны с этим специфичным для России феноменом национального характера.

Отметим также, что даже в провинциальной городской среде того времени были доступны не только повседневные бытовые достижения прогресса. Горизонт мира современных автору художественных открытий, которые происходили в Европе, мир нового искусства был для него даже в начале его пути, во время учительства в провинции, хотя и далек, но достигаем. Об этом говорит его раннее знакомство с творчеством П. Верлена [2].

Таким образом, Город – часть мифологизированного пространства сологубовской прозы – имеет свою историю и свои законы, где присутствуют аллюзии, восходящие к разным первоисточникам. Среди них можно назвать гностические и античные, а также миф о Поэте и его Пути.

Мифологемы как особенности художественного освоения позволяют не только глубже понять своеобразие художественно-философской модели мира автора. Многие детали повседневного городского быта, хотя они и сами по себе также интересны, в этом контексте мифа символически переосмысливаются как знаки, отражающие жизнь человека в его попытках найти свое место в Мире.

Список литературы

1. *Гуськов, Ю. И.* Проза Ф. Сологуба и литературный авангард: диссертация ... кандидата филологических наук / Юрий Ильич Гуськов. Москва, 1995. 123 с. Текст: непосредственный.

2. *Дикман, М. И.* Поэтическое творчество Федора Сологуба / М. И. Дикман. Текст: непосредственный // Стихотворения / Ф. Сологуб; вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман. Ленинград: Советский писатель, 1975. С. 5–47.

3. *Евтюгина, А. А.* Формирование социокультурной компетенции у иностранных студентов / А. А. Евтюгина. Текст: непосредственный // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. 2015. № 4. С. 79–91.

4. Павлова, М. М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников / М. М. Павлова. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 510 с. Текст: непосредственный.

5. Савельева, М. С. Федор Сологуб / М. С. Савельева. Москва: Молодая гвардия, 2014. 246 с. Текст: непосредственный

6. Сологуб, Ф. Свет и тени. Избранная проза / Ф. Сологуб. Минск: Мастацкая літаратура, 1988. 383 с. Текст: непосредственный.

7. Сологуб, Ф. Собрание сочинений: в 6 томах / Ф. Сологуб. Москва: Интелвак, 2000. Т. 1. 664 с. Текст: непосредственный.

8. Ханзен-Леве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. 512 с. Текст: непосредственный.

9. Peters, C. S. The Dichotomy of Lilith and Eve in Fedor Sologub's Mythopoetics / C. S. Peters // Russian Literature. 2000. № 48. P. 1–14.

10. Zhang Zhong-liang (張中良), Переводная литература периода Движения 4 Мая (五四時期的翻譯文學). 臺北: Showwe Information Co., Ltd., 2005年.

11. 《周氏兄弟文集：現代小說譯叢—第一集》，北京：新星，2006年。

12. 《周氏兄弟合譯文集：域外小說集》，北京：新星，2006年。